Частноправовые механизмы уголовно-правовой защиты личности

СИДОРЕНКО Элина Леонидовна, заведующая лабораторией криминологического анализа и прогнозирования Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: 12011979@list.ru

В работе проводится доктринальный анализ частноправовых начал уголовно-правового регулирования на примере защиты интересов личности. Говоря о модернизации уголовного законодательства, автор указывает на необходимость максимально полного учета интересов частного лица как обладателя защищаемых уголовным законом интересов. Анализ частноправовых механизмов защиты личности показывает нецелесообразность их отождествления с методом дозволения и обоснованность их рассмотрения в рамках диспозитивного режима уголовно-правового регулирования, понимая под последним своеобразный «отсрочек» частного права в публичном.

Оценка частноправовых механизмов уголовно-правовой охраны личности сквозь призму диспозитивного режима позволила очертить круг правомочий частного лица и оценить полноту их реализации в рамках институтов согласия потерпевшего на причинение вреда и освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ).

Целью исследования является выработка научно обоснованных и социально оправданных рекомендаций по применению норм, содержащих элементы диспозитивного режима уголовно-правового регулирования. Данная цель достигнута за счет решения частных задач, связанных с определением правомочий потерпевшего от преступления, уточнения предметных границ диспозитивного режима и разграничения частных и публичных интересов.

Решение поставленных задач обеспечивалось на основе использования общих и частнонаучных методов анализа: сравнительно-правового, формально-юридического методов, контент-анализа и др.

Изучение решений судов и доктринальных позиций по вопросам квалификации преступлений против личности позволило автору сформулировать ряд выводов относительно противоречивости некоторых норм Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, возражение вызывает дискретный характер освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон и целесообразность согласия потерпевшего в примечании к ст. 122 УК РФ.

Ключевые слова: частноправовые механизмы, уголовно-правовое регулирование, преступления против личности, потерпевший, частный интерес, согласие потерпевшего, примирение сторон.

Private Legal Mechanisms of Criminal Law Protection of the Individual

E. L. SIDORENKO, head of the Laboratory of criminological analysis and forecasting of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, professor at the Department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: 12011979@list.ru

In the article private legal mechanisms of criminal law protection of the Individual author analyzed. In the context of the modernization of criminal legislation the author points out the need to take into account the interests of an individual as fully as possible. It does not support the idea of identifying private legal mechanisms with the method of permitting and proposes to consider them within the framework of the dispositive regime of criminal law regulation.

The evaluation of private legal mechanisms of criminal law protection of the Individual through the prism of the dispositive regime made it possible to determine the rights of a private person and assess the completeness of their implementation within the institutions of consent of the victim and release from criminal responsibility (art. 76 of the Criminal Code).

The purpose of the article is to prepare recommendations on the application of the norms of the dispositive regime of criminal law regulation. The realization of this goal was ensured through the definition of the rights of the individual, the signs of the dispositive regime and the delineation of private and public interests.

The author uses general and private scientific methods of analysis: comparative-legal and formal-legal methods, content analysis and others.

Analysis of the decisions of courts and scientific positions on the issues of qualification of crimes against personality allowed the author to formulate a number of interesting conclusions. In particular, the objection causes a discrete character of the exemption from criminal responsibility in connection with the reconciliation of the parties and the consent of the victim in the note to art. 122 of the Criminal Code.

Keywords: private law mechanisms, criminal law regulation, crimes against the person, victim, private interest, consent of the victim, reconciliation of the parties.

DOI: 10.12737/article_597714e83885d0.11583225

В условиях модернизации российской государственности и глубокой трансформации экономического, политического и правового пространства уголовная политика больше не может сводиться исключительно к карательному воздействию на преступников. Адаптируясь к новым социальным условиям, она вынуждена отказываться от этатичного правопонимания и прибегать к разработке принципиально новых методов регулирования, построенных на учете частного интереса.

Привнесение в уголовное право частноправового элемента обеспечивает необходимую идеологическую связь УК РФ с конституционным принципом приоритета прав и свобод личности и повышает его эффективность за счет стимулирования потерпевших и преступников на досудебное разрешение конфликта. Проблема, однако, заключается в том, что, осознавая важность развития частных начал в уголовном праве, специалисты так и не разработали единый подход к тому, что есть частное в публичном праве и каковы его юридические границы.

Все существующие мнения по данному вопросу можно условно разделить на две группы: признание частноправовых начал универсальной категорией, присутствующей во всех отраслях права, и рассмотрение их как исключение из общего правила публичного уголовно-правового регулирования.

Несмотря на некоторую относительность проводимого разграничения, оно позволяет сформулировать ряд интересных предложений, касающихся перспектив развития законодательства. Если принять за основу первую позицию, о диспозитивности в уголовном праве можно будет говорить во всех случаях разрешения конфликта, возникшего между преступником и потерпевшим¹.

Именно по этому пути пошел российский законодатель, необоснованно расширив сферу применения ст. 76 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примире-

¹ См.: Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального отношения // Тр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-та. Т. 38: Вопросы науки сов. гражданского процессуального права. М., 1975. С. 9.

нием с потерпевшим» УК РФ за счет преступлений, посягающих на публичные интересы. Предоставление возможности официальному лицу, действующему от имени общества или государства, примириться с преступником сводит идею частноправового регулирования лишь к одному из ее элементов — методу дозволения. В рамках существующего подхода частные начала рассматриваются как правовые способы регулирования, которые применяются тогда, когда возникает необходимость реализации права-притязания на возмещение причиненного вреда², потестативного права на обращение с заявлением о совершении преступления³; полномочий участников конфликта по распоряжению правом⁴, свободы выбора варианта получения защиты нарушенного права⁵ или организации сотрудничества сторон⁶.

Не отрицая важности подобной — инструментальной — оценки частноправовых механизмов уголовно-правового регулирования, нельзя не отметить отсутствие у нее единой методологической основы. В рамках инструментального подхода под

проявлением диспозитивности можно понимать любую дозволительную норму вне зависимости от того, какой — частный или публичный — интерес она защищает.

Более обоснованной и методологически оформленной является идея рассмотрения диспозитивности в уголовном праве как самостоятельного внутриотраслевого института, базирующегося на идее защиты интересов частных лиц через предоставление им правовых возможностей выбора наиболее приемлемого способа разрешения юридического конфликта.

В рамках представленного подхода основная идея частных начал в уголовном праве сводится к тому, что они представляют собой относительно самостоятельный правовой механизм, направленный на регулирование особого кластера уголовно-правовых отношений на основе специфических приемов и методов регулирования.

Если уголовное право как отрасль представляет собой императивное, властно-правовое регулирование, то диспозитивность проявляется в нем как своеобразный островок частного права со специфическим предметом, методом и приемами правового регулирования. Подобное вживание нехарактерного для отрасли метода можно условно назвать режимом правового регулирования.

В теории права под ним понимается «особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние»⁷. Он возникает тогда, когда требуется адресное управленческое воздействие⁸, и характеризуется особым предметом правового регулирования, строго

² См.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 112.

³ См., например: *Бояринцев В. Н.* Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987; *Александров А. С.* Природа диспозитивности в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы теории и практики правоохранительной деятельности. Н. Новгород, 1993.

⁴ См., например: *Авдюков М. Г.* Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970. С. 119; *Щеглов В. Н.* Принципы искового производства // Вопросы теории и практики гражданского процесса: межвуз. науч. сб. Саратов, 1976. Вып. 2. С. 34.

⁵ См.: *Плешанов А. Г.* Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики / под общ. ред. В. В. Яркова. М., 2002. С. 57.

⁶ См.: *Мурадян Э. М.* Диспозитивное правосудие как этическая парадигма будущего // Современное право. 2000. № 4. С. 87.

⁷ *Малько А. В., Матузов Н. И.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 18.

⁸ См.: *Космынина П. В.* Правовой режим предупреждения преступлений. М., 2005. С. 30—31.

определенным набором методов, относительной замкнутостью и высокой степенью определенности правового регулирования.

Таким образом, с позиции содержательного подхода частноправовые начала в уголовном праве — это не просто метод дозволения, а относительно закрытый режим правового регулирования конкретного круга общественных отношений по защите частного интереса.

Через частноправовые механизмы закон предоставляет частному лицу возможность самостоятельно реализовывать свои субъективные права, предъявлять правовые требования и притязания для максимальной защиты частного интереса.

О диспозитивности в уголовном праве можно говорить в случаях, когда: 1) действия субъектов права (физических и юридических лиц) осуществляются в соответствии с собственной волей; 2) субъекты отношений равны или независимы друг от друга; 3) реализация прав и исполнение встречных обязанностей субъектами права может обеспечиваться без обращения к властному субъекту⁹.

Изложенные выводы позволяют приблизиться к определению частноправовых механизмов уголовно-правовой охраны личности и оценить полноту отражения в них частного интереса.

В рамках диспозитивного режима уголовно-правовой защиты личности потерпевший является полноправным участником правовых отношений и обладает следующими правомочиями: правом — пользованием, выраженным в согласии или просьбе о причинении вреда своим интересам, и правом на примирение с виновным (ст. 76 УК РФ).

1. *Согласие потерпевшего.* Действуя в рамках уголовно-правовых отношений с третьим лицом и давая

согласие на причинение вреда, личность как обладатель частного интереса фактически отказывается от принадлежащего ей блага.

Если человек требует, просит либо соглашается на действия (бездействие) третьего лица в отношении своих благ и это поведение не ущемляет права других людей, общества и государства, совершенное деяние не может быть признано противоправным, а обладатель права — потерпевшим, ибо через действия третьих лиц он реализовывает свое субъективное право на пользование принадлежащим ему благом.

Для определения правомерности деяния, совершенного с согласия лица, важно проанализировать его отношение к нарушенному благу и установить, находится ли это благо в его полном и свободном распоряжении. В случае утвердительного ответа отношения между обладателем права и причинителем вреда развиваются без участия государства в лице уполномоченных лиц. Но участия государства не избежать, если причинитель вреда превысил пределы допустимости согласия или нарушил права других людей, общества и государства. В этом случае личность приобретает статус потерпевшего, а причинитель вреда — преступника.

В теории права нередко отрицается уголовно-правовая природа согласия потерпевшего¹⁰. С этим выводом можно было бы согласиться, если при совершении деяний не причинялся бы вред охраняемым уголовным законом интересам. При производстве операций по изъятию органов и тканей у живого донора, искусственном прерывании беременности, донорстве крови или ее компонентов и др. трудно ограничиваться сферой регулятивного законодательства. В таких случаях частное лицо выражает волю на отчуждение прав, охра-

⁹ См.: Сумачев А. В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М., 2003. С. 30—32.

¹⁰ См.: Дурманов Н. Д. Советское уголовное право: обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность. М., 1961. С. 4.

няемых уголовным законом, и в этом качестве является участником уголовно-правовых отношений.

Если при совершении деяния причиняется или возникает опасность причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, уголовный закон должен «отреагировать» на это, определив границы преступности деяния. Постановка вопроса об исключении уголовной ответственности уже сама по себе свидетельствует, что рассматриваемая проблема относится к компетенции уголовного законодательства, ибо никакая другая отрасль права не может определять границы преступности и наказуемости деяния.

Несмотря на то что в разд. VII «Преступления против личности» УК РФ не закреплено согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния, оно буквально пронизывает содержание норм. В частности, при наличии волеизъявления потерпевшего не будут признаваться преступными деяния, предусмотренные ст. 115, 116, 116¹, 131, 132, 137, 138, 139, 145, 146 и 147 УК РФ.

Статья 20 УПК РФ относит их к делам частного и частно-публично-го обвинения и, таким образом, легализует статус согласия потерпевшего. Как правило, такие преступления совершаются на основе длительных межличностных отношений. Их участники в процессе взаимодействия создают набор неких символов, которые не могут быть правильно оценены вне рамок сложившихся отношений. Обращение с заявлением о совершении преступления является, как правило, реакцией на грубое и недопустимое нарушение одной из сторон дистанции межличностного общения. В такой ситуации потерпевший разумно полагает, что безнаказанность поступка может привести к формированию новой — общественно опасной — модели поведения со стороны обидчика.

Однако если рассматривать данный институт как юридически за-

крепленную возможность лица свободно распоряжаться своим частным интересом, нельзя признать обоснованным включение в рассматриваемый институт примечания к ст. 122 УК РФ, согласно которому лицо, заразившее или поставившее в опасность заражения человека, добровольно согласившегося на заражение, освобождается от уголовной ответственности.

Не отрицая факта, что здоровье личности является ее личным нематериальным благом, тем не менее сложно согласиться с возможностью его свободного отчуждения применительно к социально значимым заболеваниям. В этом случае имеет место конфликт частного (здоровье личности) и публичного интереса (эпидемиологическая ситуация), и предпочтение должно быть отдано последнему.

Свидетельством тому являются показатели зараженности ВИЧ-инфекцией в России. По данным Роспотребнадзора, на 1 января 2016 г. в России проживали официально 1 006 388 граждан, зарегистрированных как инфицированные ВИЧ. При этом в 2015 г. умерли 212 578 ВИЧ-инфицированных, что на 12,9% больше, чем в 2014 г. Наконец 2015 г. в России было зарегистрировано более 1 млн ВИЧ-инфицированных, из которых более 215 тыс. уже умерли¹¹. По мнению В. И. Покровского, к 1 млн официальных инфицированных ВИЧ можно смело добавлять еще как минимум 1 млн незарегистрированных больных. При этом хоть как-то пытаются лечиться только 30% из первого миллиона¹².

Используемый законодателем прием легализации согласия потерпевшего выглядит странным и на фоне того, что в случае заражения дру-

¹¹ URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2016/04/21/n_8540681.shtml.

¹² Подробнее см.: URL: http://dos-news.com/lenta_novostei/epidemiya-spida-v-rossii-statistika-zabolevaemosti-shokirovala-minzdrav.html.

гими, менее опасными для жизни, социально значимыми заболеваниями (ст. 121 УК РФ) согласие потерпевшего не освобождает виновного от ответственности.

Принимая во внимание факт, что ни в самом законе, ни в разъяснениях судебной практики не раскрывается процедура верификации согласия потерпевшего, примечание к ст. 122 УК РФ априори является криминально-стимулирующей нормой, требующей исключения из УК РФ.

2. *Примирение с потерпевшим.* Согласно ст. 76 УК РФ совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести инициирует триаду правоотношений: отношения примирения между потерпевшим и виновным, отношения между государством и потерпевшим и государством и преступником.

Если в рамках примирения между преступником и жертвой достигнут компромисс и вред надлежащим образом возмещен, заглажен и компенсирован, потерпевший обращается к государству с требованием признать примирение достигнутым и освободить виновного от уголовной ответственности.

В случае отказа потерпевшего от примирения или непринятия им реститутивных действий виновного, уголовно-правовые отношения между государством и преступником получают продолжение в осуждении виновного.

В основу отношений примирения заложены заинтересованность потерпевшего в компенсации причиненного вреда и заинтересованность виновного в освобождении от уголовной ответственности. При этом потерпевший вправе требовать от преступника возмещения причиненного вреда, а виновный может либо возместить причиненный вред, либо отказаться от компенсации. При этом никто, включая государство, не вправе обязать его поступить вопреки его свободной воле.

Признавая за ст. 76 УК РФ статус диспозитивного инструмента уго-

ловно-правовой защиты личности, нельзя не отметить, что юридическое оформление нормы не полностью соответствует ее социально-правовому значению.

Во-первых, если рассматривать институт примирения сторон как элемент диспозитивного режима уголовно-правового регулирования, следует говорить о равенстве и относительной самостоятельности потерпевшего и виновного как участников конфликта. Однако при более внимательном анализе нормы это предположение не находит подтверждения. Дискретный характер института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим сохраняет за государством право решающего голоса и не гарантирует виновному освобождение от уголовной ответственности в случае возмещения вреда. Как было подчеркнуто в апелляционном постановлении Московского городского суда от 5 июля 2016 г. по делу № 10-9925/2016, «по смыслу закона прекращение уголовного дела в отношении лица в связи с примирением является правом, а не обязанностью суда, в том числе и при обращении к суду с соответствующими заявлениями потерпевших».

Неоднозначность в определении реститутивных действий (примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного вреда) расширяет границы судебного усмотрения и позволяет оценивать степень реализации прав потерпевшего вопреки желанию сторон. В такой ситуации говорить о заинтересованности виновного в примирении и о стимулировании его к положительному постпреступному поведению вряд ли возможно.

Как потерпевший имеет право требовать привлечения виновного к уголовной ответственности, так и лицо, совершившее преступление, должно иметь гарантированное право не подвергаться уголовному наказанию, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Это значит,

что совершенствование диспозитивных начал уголовно-правового регулирования предполагает установление обязанности государства освободить виновного от уголовной ответственности.

Но пока судебная практика идет в обратном направлении и ужесточает условия примирения. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», если в результате преступления пострададо несколько потерпевших (например, лицо умышленно причинило средней тяжести вред здоровью двух лиц), то отсутствие примирения хотя бы с одним из них препятствует освобождению лица от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ за данное преступление.

Во-вторых, нельзя признать обоснованным существующий подход к определению статуса участников примирения. Если исходить из того, что ст. 76 УК РФ выражает диспозитивность в уголовном праве, следует констатировать, что участником примирения может быть только частное лицо, реализующее свое субъективное право на примирение с виновным. Однако этот, казалось бы, очевидный вывод ставится под сомнение отсутствием запрета на применение ст. 76 УК РФ к преступлениям, посягающим на публичные интересы.

Ни в УК РФ, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 не упоминается о невозможности примирения виновного с лицом, наделенным лишь процессуальным статусом потерпевшего. Как следствие, норма о примирении сторон применяется к широкому спектру случаев совершения преступлений против общественных и государственных интересов, что полностью дискредитирует ее частноправовые начала.

В-третьих, сомнения в обоснованности применения ст. 76 УК РФ порождает возможность признания участником примирения родственников лица, погибшего в результате совершения преступления. В соответствии с п. 12 названного постановления при рассмотрении вопроса о применении положений ст. 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого явилась смерть пострадавшего, судам следует иметь в виду положения ч. 8 ст. 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников погибшего. При этом необходимо учитывать, что положения указанной нормы не препятствуют признанию потерпевшими не одного, а нескольких лиц.

В данном случае допускается очевидная подмена статусов потерпевшего в уголовном праве и уголовном процессе, приводящая к опасной по сути идее допустимости «откупа» за смерть. Проекция полномочий потерпевшего в материальном праве на процессуальную фигуру позволяет освобождать от уголовной ответственности за преступления, причиняющие по неосторожности смерть одному или нескольким лицам, что в корне противоречит конституционному принципу о приоритете прав и свобод личности как высшей ценности.

Такое противоречие могло быть разрешено посредством указания в соответствующем постановлении на возможность примирения только с лицом, непосредственно пострадавшим при совершении преступления.

В-четвертых, дополнение УК РФ новыми институтами освобождения от уголовной ответственности при отсутствии их надлежащего криминологического обоснования нивелируют значимость ст. 76 УК РФ и предоставляют преступнику альтернативные возможности избежать осуждения. В таких случаях признание потерпевшего на примирение оказывается неудовлетворен-

ным, а его частный интерес — незащищенным.

Статья 76² УК РФ предусматривает возможность освобождения лица от уголовной ответственности, если оно возместило ущерб или иным образом загладило вред и при этом уплатило судебный штраф в сумме, не превышающей половины максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ (ст. 104⁵ УК РФ).

Отсутствие формальных ограничений не препятствует применению данной нормы и к случаям нарушения частных интересов. Например, если преступнику не удалось достигнуть примирения с потерпевшим, он может прибегнуть к ст. 76² УК РФ и быть освобожденным от уголовной ответственности при условии уплаты судебного штрафа и выплаты потерпевшему суммы ущерба, определенной в судебном порядке, безотно-

сительно желания последнего примириться с обидчиком.

Изложенные выше соображения указывают на необходимость реформирования уголовного законодательства в соответствии с идейной направленностью диспозитивного режима уголовно-правового регулирования. В связи с этим обоснованным видится ограничение круга деяний, допускающих примирение сторон, только преступлениями против личности и собственности, при одновременном исключении данных составов из круга норм, допускающих применение ст. 76² УК РФ; конкретизация статуса участника примирения посредством указания на причинение потерпевшему вреда непосредственно преступлением и наделение участников примирения гарантиями защиты их прав через отказ от дискретности освобождения от уголовной ответственности в ст. 76 УК РФ.

Библиографический список

- Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970.
- Александров А. С. Природа диспозитивности в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы теории и практики правоохранительной деятельности. Н. Новгород, 1993.
- Бояринцев В. Н. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987.
- Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального отношения // Тр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-та. Т. 38: Вопросы науки сов. гражданского процессуального права. М., 1975.
- Дурманов Н. Д. Советское уголовное право: обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность. М., 1961.
- Космынина П. В. Правовой режим предупреждения преступлений. М., 2005.
- Малько А. В., Матузов Н. И. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1.
- Мурадян Э. М. Диспозитивное правосудие как этическая парадигма будущего // Современное право. 2000. № 4.
- Плешанов А. Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики / под общ. ред. В. В. Яркова. М., 2002.
- Сумачев А. В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М., 2003.
- Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 1.
- Щеглов В. Н. Принципы искового производства // Вопросы теории и практики гражданского процесса: межвуз. науч. сб. Саратов, 1976. Вып. 2.